Константин Консон

Корах

роман о времени

Константин Консон

Корах. Роман о времени

«Книга-Сэфер»

2023

Консон К.

Корах. Роман о времени / К. Консон — «Книга-Сэфер», 2023

ISBN 978-965-7288-66-5

На протяжении веков древние сюжеты не утратили своей актуальности, узнаваемость прошлого в настоящем возвращает нас к его урокам. Роман «Корах» раскрывает тайны и смыслы библейских историй, приглашает заглянуть в глубь религиозно-философской традиции. В центре повествования - известные каждому, а также менее знаменитые герои священных книг, где пути человека и Бога сходятся на узких перекрестках мироздания. Этот мир притягивает, интригует, заставляет говорить о себе в течение уже трех с половиной тысяч лет. Путешествие по лабиринту Торы в поисках взаимосвязей - одна из самых занимательных наук, подаренных нам духовным наследием. Листая этот роман, вы прикоснетесь к тому, что хочет донести до нас Книга книг. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-965-7288-66-5

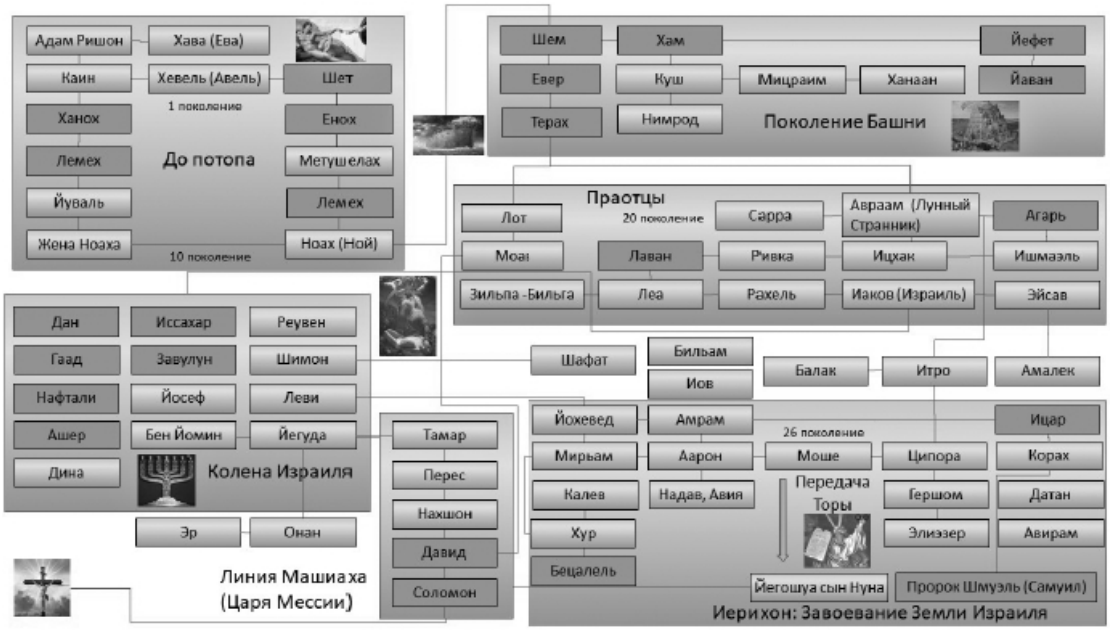
© Консон К., 2023
© Книга-Сэфер, 2023

Содержание

Родословная героев Торы 5
От автора 7
Замысел 8
Пролог 9
По ту сторону начала 9
По эту сторону начала 12
Три попытки 21
Часть I 27
Хранитель казны 27
Из детства 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Константин Консон
Корах. Роман о времени

Родословная героев Торы



Неактивные персонажи затемнены и приведены для полноты картины.

Генеалогия представлена в сокращенном виде с целью показать соотношение поколений и родственных связей героев.

©Константин Консон, 2023
Все права принадлежат автору.
All rights reserved.

Знай, что если кто-либо из совершенных пожелает изложить устно или письменно нечто из тайн, понятых им в соответствии со ступенью его совершенства, то он не сможет даже то, что постигнуто им самим, разъяснить вполне отчетливо и упорядоченно, так, как это принято в иных разделах знания… Ибо при обучении другого, случится то же, что происходило, когда он сам изучал это: изучаемый предмет будет то появляться, мерцая, то снова исчезать, будто сама природа этого предмета такова – велик он или мал.

Раби Моше бен Маймон (Маймонид), Путеводитель растерянных, Кордоба, Испания, XII век

Изустные истории, передаваемые из поколения в поколение, рассказывали, как Авраам первым среди людей в послепотопном мире услышал голос тонкой тишины. Голос велел ему покинуть дом отца, а также все, что связывало его с вещами и привычками цивилизации. Ему

надлежало уйти в себя, в свою внутреннюю пустыню… чтобы в конце концов воздвигнуть в душе храм, обитель Всевышнего Бога.
Раби Ицхак Лурия Ашкенази (Аризаль), Цфат, земля Израиля, XVI век

От автора

Моим Учителям

Преодолев путь через века и эпохи, библейские рассказы не перестают удивлять своей актуальностью. Черпаешь из этого колодца мудрости, а дна все не видно, да скорее всего и нет никакого дна.

Тора не говорит о вещах очевидных, понятных из общечеловеческого опыта. Красота божественного откровения в том, что оно доносит до нас нетривиальное, к чему непросто прийти самим, но без чего нельзя обойтись. Пытаясь разобраться в калейдоскопе историй, мы то и дело сталкиваемся со странностью действий героев, неясной мотивацией поступков, когда истинные причины упрятаны за занавесом буквального прочтения. Выявление внутренних связей и раскрытие тайных смыслов – одна из самых занимательных наук, подаренных нам духовной традицией.

Внешние события являются лишь матрицей, на которую накладывается эволюция героев. Безусловно, матрица эта определяющая, она одновременно и сцена, и действие. Не в нашей воле изменять сюжеты – все записано в древних книгах. Имена персонажей также известны, и вряд ли стоит выдумывать новые. Способы толкования сохранены и переданы через века. Что же можем привнести мы?

Тора скупа на эмоции. Симпатии и предпочтения остаются вопросом нашего выбора. Именно это позволяет нам, основываясь на собственном опыте, увидеть мир глазами ее героев, понять динамику их развития, их мысли, переживания, надежды. Все то, что не отпускает, заставляет вновь обращаться к этим историям, наполняя их жизнью в любые времена и на любой земле. Это попытка сохранить знания и чувства людей, способ разговора сквозь прошлое.

Библейские сюжеты строятся от абстрактных моделей к конкретным эпизодам. Поэтому темы повторяются, получая новое развитие. Одна и та же идея формулируется в начале в терминах творения мира, затем применительно к человеку, потом – к большой семье, и наконец, к социуму. От высоты божественного замысла нас приводят к простым основам человеческого бытия.

Обретая свободу ради свободы, люди часто не знают, что с ней делать и куда себя применить. Выход из Египта – это не самоцель, а лишь путь к достижению цели – получению своей роли в союзе с Творцом. Это модель освобождения от рабства, в первую очередь духовного.

Текст Писания порой сложен для понимания, запутан и противоречив. Для осмысленного прочтения, а тем более, глубокого проникновения необходимы ключи, передаваемые устной традицией от учителя к ученику уже в течение трех с половиной тысяч лет. Они открывают четыре уровня толкования: простое понимание, чтение между строк, разъясняющие притчи и тайное знание. Такими ключами охотно оперируют герои повествования, что позволяет каждому почувствовать себя исследователем со средневековой гравюры, который, проткнув небесный свод, наблюдает работу скрытых небесных механизмов.

Чередуя общий и крупный план, вслед за героями мы проберемся сквозь чертоги Пятикнижия. Исход евреев из Египта (книга Исход) и жизнь в пустыне (книга Числа) связываются между собой историями от сотворения мира до праотцов (книга Бытие). В основу сюжета легли письменная Тора, устная традиция (Мидраш), а также передача скрытых знаний (Каббала). Весь материал аутентичный и построен на «реальных событиях».

Надеюсь, что прохождение через лабиринт хитросплетений покажется легким и занимательным. Одно можно сказать с уверенностью: листая этот роман, вы прикоснетесь к тому, что хочет донести до нас Книга книг. И пускай каждый найдет выход из своего Египта.

Замысел

Когда в начале я решил наполнить вечность,
Где одиночеством зияла бесконечность,
Еще не создал я имен, не ведал, где я,
И словно пламя в пустоте – одна идея.

Она жила во мне всегда, таилась, тлела,
Искала выхода, звала, рвалась, ревела.
Но не рождалось ни вопроса, ни ответа,
Лишь пляска черного огня в потоке света.

В исходных сферах я нашел баланс и меру,
Я создал буквы, ввел слова, придумал веру.
И, ни ядром еще не став, ни оболочкой,
Подолгу мыслями витал над каждой строчкой.

Рождались небо и земля, меж ними своды,
Ночь отделилась ото дня, разлились воды.
Земля наполнилась игрой и шумом жизни,
И мир вращался в идеальном механизме.

В нем не хватало лишь одной заглавной роли —
Того, кто сможет все менять свободой воли.
Тебя из замысла создам в последний день я,
В сокрытьи буду наблюдать твое взросленье.

Я дам завет, я сам его на камне выбью —
Придут видения, умчатся легкой зыбью.
Связав себя с тобой обещанным законом,
Я не останусь в одиночестве бездонном.

Прими ж скрижали, инструменты, и ограду,
Ты сможешь сам определять себе награду.
В тебе сольются свет и тьма, закон и милость,
Все то, что лишь с твоим приходом проявилось.

Для выполнения назначенной работы
Я помещу тебя в саду в канун субботы.
Мое творение, ты справишься неплохо,
И мне в безвременье не будет одиноко.

Пролог

Прошлое – колодец глубины необыкновенной.
Т. Манн

То, что хотел бы я высказать,
высказыванию не подлежит.
М. Щербаков

По ту сторону начала

Когда ни о каком Начале не было еще и речи, а все сущее представало одним спокойным и ясным светом, в Его сознании родилась идея.[1] Едва ли возможно представить себе место и время ее возникновения, как и наглядно вообразить Его самого. Фантазия отказывается поместить Его в пространственно-временные границы, во-первых, потому что они еще не были созданы, а во-вторых, поскольку Он все равно не вписался бы в их рамки. Он находился в обособленной, недоступной для восприятия системе миров, которую только и можно охарактеризовать как непознаваемую. С Ним не была связана никакая физическая реальность, а любое Его описание выходило бы за пределы доступных понятий. Единственное Его проявление заключалось в вездесущем однородном сиянии. Древние дали Ему имя *Эйн Соф,* что на священном языке означало «бесконечность».[2] Устремляя мысленный взор сквозь непроходимую толщу сокрытого, мудрецы пытались расслышать отголоски непостижимой идеи и воссоздать образ Того, в чьем сознании возник изначальный замысел.

Пребывающему в иных сферах не хватало одного – радости общения. Бездонное одиночество требовало единомышленника, с которым можно скоротать время за шахматной партией, сопровождая ее дружеской болтовней. Однако создать достойного собеседника никак не удавалось. Сколько Он ни пытался, всегда выходил равнодушный ангел, превращавший таинственную игру в скучно и безошибочно выполняемую работу. После нескольких неудачных экспериментов Он понял: завершенному творению недоставало стремления к саморазвитию. Партнера нужно было воспитать, проведя через стадии духовного становления, и уподобить себе в уникальном свойстве – способности творить. В этом и состояла Его идея. Не тратя понапрасну своей бесконечной энергии, Он взялся за дело.

Сперва пришлось освободить от своего присутствия место для будущего творения. Здесь Он ослабил интенсивность света, обеспечивая возможность образования стабильных структур, однако не устранил его полностью, чтобы поддерживать жизнь своего детища. Так в Нем образовалась область, готовая вместить воплощение Его замысла. Древние назвали это *Цимцум Алеф* – первым сокращением.[3]

Теперь нужен был акт воли, который внес бы в изначальный хаос порядок и смысл. Он создал рубинового оттенка луч и направил его внутрь заполненной светом области. Прорезав

---

[1] **По ту сторону начала** – здесь и далее по тексту делается попытка художественного переосмысления Лурианской каббалы. Учение Аризаля (раби Ицхака Лурии Ашкенази, 1534–1572 гг.) о структуре высших миров уходит корнями в каббалистическую традицию тайной Торы, полученную Моисеем на горе Синай и открытой миру раби Шимоном бар Йохаем (I–II вв.).

[2] **Эйн Соф** – бесконечность, беспредельность, непостижимость Бога. Источник божественного света. Бог, по мнению каббалистов, «существовал» вне пространства-времени до сотворения мира.

[3] **Цимцум Алеф** – первое сокращение. Подготовительный акт, при котором Бог освободил место внутри себя для создания мира. В этом месте присутствие Создателя преуменьшено, чтобы мир не сгорел в потоке света; в то же время Его влияние достаточно для существования творения.

пространство, луч замер в центральной точке. В этом месте должно было состояться самое важное событие, но его подготовка еще не была завершена. Он решил предвосхитить основное творение наброском, собирательным вариантом эскиза, чтобы ориентироваться на него в дальнейшей работе. Так возникло изначальное лекало, неуловимый мир, в создание которого Он вложил все свое мастерство. Он уподобил его себе, своим формам и качествам, видя в нем прообраз будущих воплощений. Древние назвали этот мир *Адам Кадмон*.[4]

Для осуществления последующих замыслов возникла необходимость в алфавите творения, универсальном коде мироздания. Тогда Он пролил дождь из тридцати двух струй, десять из которых предстали в виде чисел, а двадцать две в форме букв. Он установил между ними соответствие и сделал взаимозаменяемыми. Теперь числа можно было выражать с помощью букв, а смысл Слова угадывался в его числовом значении. Он назвал эти значения *гематриями*.[5]

Затем настало время преобразовать изначальный свет в нематериальную субстанцию, в которой зародились бы качества будущего творения. Для этого Он добавил в слово, обозначающее свет, букву из своего имени. Так из света возник *эфир*.[6]

Постепенно Он приноровился оперировать буквами и числами. Еще несколько волевых усилий, и энергия луча породила систему из четырех миров: *Ацилут* – мир абстрактных идей, *Брия* – мир творения из пустоты, *Йецира* – мир формы и *Асия* – мир действия. Вложенные друг в друга, они распространялись одинаково по всем направлениям. Из центра, куда был направлен луч, можно было увидеть, а точнее, ощутить раскрывающиеся вокруг сферические горизонты.[7]

Неизвестно, происходили эти события последовательно или осуществлялись все сразу. Да и есть ли смысл говорить о хронологии в духовном поле? Он формировал состояния и свойства миров, хитроумно прочерчивая причинно-следственные узоры.

Подчиняясь созидающей воле, луч претерпевал изменения, сперва едва заметные, но затем все более выразительные. По его длине пробежало волнение, и порожденные этими колебаниями, из него начали выдуваться разноцветные сферы. Достигнув определенного размера и немного потолкавшись друг с другом, они выстроились в сбалансированную конструкцию правильной геометрической формы. Между ними протянулись каналы наподобие труб, и по каналам потекли потоки теплого разноцветного эфира. Всего сфер возникло десять, и ими было размечено пространство миров. Комбинации сфер бесконечно повторялись, отображаясь одна в другой. В каждой из них можно было разглядеть всю конструкцию, а в той еще одну, и так насколько хватало воображения. Эту изобретательно вложенную саму в себя матрицу мудрецы назвали ***Древом Сфирот***.[8]

---

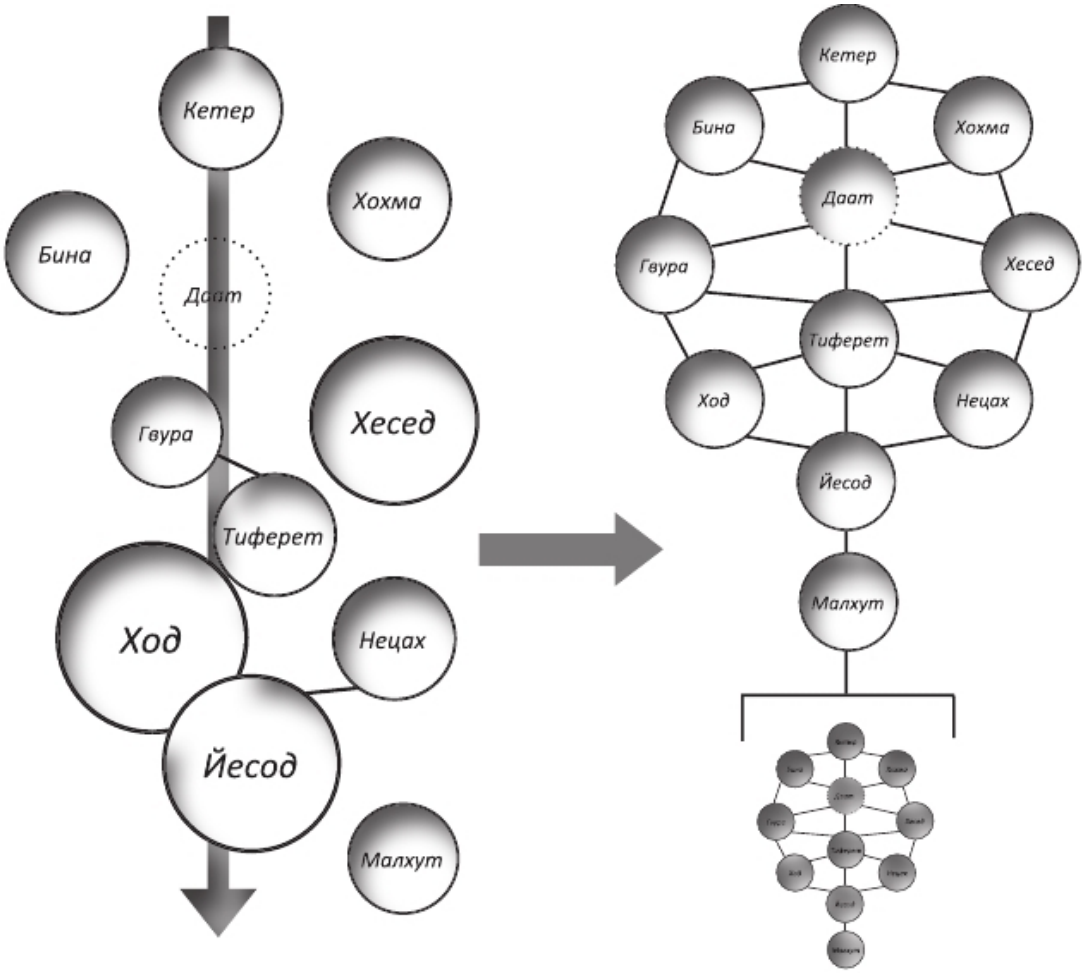
[4] **Адам Кадмон** – прототип мира и человека. Форма, предшествующая всем последующим воплощениям. Все миры являются производными от него. Изначальный и наиболее общий план творения. **Луч** – акт божественной воли, порождающий творение миров в среде однородного эфира.

[5] **Гематрия** – числовое значение буквы или слова. Каждой букве священного алфавита соответствует определенное число. Как правило, гематрия слова является суммой гематрий букв, хотя есть и другие способы вычислений. В каббале – важный инструмент для поиска взаимосвязей вещей и явлений.

[6] **Из света возник эфир** – аллюзия на творение буквами. אור – ор: свет (ивр.) אויר – авир: эфир, воздух (ивр.) Эфир получается из света добавлением буквы י – Йуд, входящей в четырехбуквенное имя Всевышнего.

[7] Четыре духовных мира, предшествующих нашему материальному. **Ацилут** – мир абстрактных идей. Наиболее приближен к Богу. В этом мире формируется общий план творения. **Брия** – мир творения из ничего. Акт воли Творца по созданию новой сущности. **Йецира** – мир формы. Работа по созданию формы предметов и явлений. Установление канала поддержания жизни в живых существах. **Асия** – мир действия. Наполнение заданной формы конкретным содержанием.

[8] **Древо Сфирот** (ед. число: сфира) – одно из основополагающих каббалистических понятий, означающее божественные эманации (проявления Бога) в мире. Свет от Эйн Соф проходит через сфирот, как через фильтры, проявляясь качествами или свойствами.



И все же в общей гармонии свойств, в выверенной стройности структур недоставало последнего штриха. Главного пока не появилось: того, ради кого было задумано и создано все великолепие вспомогательных форм. Понимая, что именно сейчас сложились условия для решающего действия и что от этого шага зависит успех всего плана, Он произвел эманацию, завершившую Древо Сфирот. Он назвал ее ***Малхут*** и наделил свободой воли.[9] Здесь под воздействием изначального света зародился источник выбора, сомнения, надежды. Сюда направил Он первую Душу, проведя ее через высшие уровни формирования, наделив пониманием и силой, замыслив для нее уникальную роль. Через взросление и развитие предстояло ей обрести совершенство. Он поместил Душу в центр миров и нарек ей имя ***Адам Ришон*** – Первый Человек.

Взглянув на воплощение своего замысла и не найдя в нем изъяна, Он произнес слова, вдохнувшие жизнь в человека:

В начале сотворил Бог Небеса и Землю…

[9] **Малхут** – нижняя сфира, ассоциирующаяся с материальным миром или миром желаний. Только здесь возможно активное действие по совершенствованию и исправлению человеческих качеств.

По эту сторону начала

«В начале сотворил Бог…» – слова эти, произнесенные на языке творения, сложились из двадцати двух букв – тех самых, благодаря которым возникли ***структуры миров***[10]. Ни одно из наречий, ответвившихся позднее, не обладало полнотой, достаточной для описания явлений по ту сторону Начала. Ибо сила языка творения таилась в буквах и едва заметных коронах над ними. Адам понимал слова Создателя, и это позволяло ему воспринимать окружающую реальность именно такой, какой она была.

Он находился в центре мироздания, чувствовал свою значимость и осознавал, что окружающие миры похожи на него, а их устройство напоминает строение его души. Словно одержимый, повторял он только что услышанное речение, с восторгом, на все лады проговаривая каждое слово, играя голосом, открывая для себя еще неведомые грани мироздания.

– Для осуществления великого замысла, – твердил он обретенную Каббалу[11], – в самом начале шести дней творения Всевышний Бог, используя силу и равновесие, из пустоты и света создал алфавит вселенной. Применяя его буквы от первой и до последней, Он построил духовные миры, разметил их структурой сфирот, а затем выделил из них один, в который поместил меня, и нарек ему имя Малхут.

Беседы с Богом приносили ему неподдельную радость. Его сердце ждало этих встреч, а разум жаждал знаний. Он воображал себя сосудом изящной формы, требующим достойного наполнения. И в наполнении ему не было отказа. Источник был неиссякаем, и учеба через откровение не утомляла его, представляясь захватывающей и легкой. Каждый день для него накрывался стол ощущений, понятий и смыслов. Адам угощался с него, насколько хватало его развития и восприятия. К ночи стол убирался, чтобы на следующий день появиться вновь, предлагая иные знания, открывая мир постепенно, по мере того как человек мог в него проникать.

Перед ним распахнулись шесть этапов творения, и он с восхищением и трепетом постигал сложность высшего замысла. Вскоре он понял, что все это необходимо для достижения некой цели, и цель эта как-то связана с ним. Осознавая себя важной частью плана и чувствуя свою ответственность перед Творцом, он день за днем углублял знания и накапливал опыт. За что бы он ни брался, все у него получалось; за каждый его шаг ему делали десять шагов навстречу. Это подстегивало его к дальнейшим усилиям, и он искренне верил, что Бог им доволен.

Без какого-либо указания, а неким утонченным чутьем он уловил, что главная его задача – освоить мир. Врожденная любознательность разжигала его интерес, и он уже озадачивался вопросом, есть ли еще что-то помимо того, что он видит вокруг. Из чего все состоит и не существует ли каких-то скрытых сил и явлений. Однажды он так и спросил у Бога:

– Все, что есть в мире, подчиняется общим, навсегда установленным законам, или ты управляешь всем по собственному усмотрению?

Бог улыбнулся.

– Ты учишься быстрее, чем мы рассчитывали.

– Мы? Разве есть кто-то кроме тебя и меня? Ну… и всех этих животных?

– Сейчас я тебе покажу кое-что.

---

[10] **Структуры миров** – согласно Каббале Всевышний Бог (Эйн Соф) создал тридцать два пути, которые являлись проводниками божественного замысла: десять цифр и двадцать две буквы. Причем цифра предвосхищала букву. Десятью речениями был создан мир. Речения состоят из букв. Поэтому буквы являются кирпичиками мироздания. Алфавит священного языка (языка Торы) состоит из двадцати двух букв, как и алфавит современного иврита.

[11] **Каббала** – получение (*ивр.*). Скрытая часть Торы, которая ниоткуда не выводится, а передается от учителя к ученику.

При этих словах Адам почувствовал, как в нем что-то перевернулось, и, хотя он продолжал смотреть по сторонам, видел он теперь совсем иное. Мир наполнился полупрозрачными существами. Они занимали все пространство и, скорее всего, распространялись далеко за пределы видимости. Их было так много, что Адам не мог даже осознать их количества.

«Найдется ли число, способное выразить бесконечное множество этих созданий? – подумал он. – Это похоже на вложенные друг в друга сфирот. Мне ведь так и не удалось их исчислить».

Он почти все сравнивал со сфиротами. Занимательно было искать в их геометрической легкости отражение свойств своей души.

– Это ангелы, – продолжал голос. – Они управляют миром согласно предписанному плану. У каждого из них своя задача, и только ее он умеет выполнять. Почти все они лишены свободы воли. В отличие от тебя, между прочим.

– Получается, решать можем только ты и я?

– Выходит, что так. И я надеюсь, ты меня не подведешь. Увидев тебя впервые, они приняли тебя за меня и затянули хвалебный гимн.

Тут в саду впервые раздался смех Бога, и весь полупрозрачный мир ответил ему многократным эхом.

* * *

– Возвращаясь к твоему вопросу об управлении миром. Да, пока что все работает по задуманному, но никто не знает, как сложится в дальнейшем. Не исключено, что иной раз придется вмешаться, хотя мне бы очень этого не хотелось. И тут многое зависит от тебя – можно сказать, почти все.

– От меня?

– Ну да. Для кого все это? – Бог слегка кивнул в сторону. – Мир создан для тебя – ты за него в ответе.

– Тогда расскажи мне больше о своем мире, – попросил Адам.

– Охотно. Тем более, что он теперь и твой. Сначала запомни главное: у всего, что ты ощущаешь вокруг и внутри себя, есть целеполагание. Этот сад разбит здесь не случайно, а ради осуществления главного плана. Для этого тебя и поместили сюда. Тебе предстоит выполнить работу, о которой ты узнаешь в свой срок. Ее правильное завершение и является целью Творения.

– А если я не справлюсь?

– Я полагаю, ты справишься. Перед человеком не ставятся задачи, которые ему не по плечу. Поэтому просто делай и постигай.

Тонкая тишина царила в мире, и радость предвкушения чего-то значительного и неведомого переполняла душу Адама.

– Первый день содержит в себе весь потенциал развития миров, поэтому он единый. В этот день был создан свет. Я уже сейчас предвижу, сколько вымыслов и глубокоумных суждений будет вынесено по этому поводу. Но ты помни: в нем источник мудрости и знаний. Это ключ, которым открывается последняя дверь на пути к совершенству. Вот почему свет Первого дня был отделен от тьмы и спрятан: он предназначен для тех, кто окажется его достоин.

– Что такое день? – Адам слушал, боясь упустить хоть слово.

– День – это состояние мира, некий преобразующий его акт. С его началом в мир приходят тени, стирая очертания вещей и свойств. Все размыто, нет четких понятий, качества перемешаны друг с другом. В хаосе легко потерять ориентир и провалиться неизвестно куда. Об этом сказано: *и был вечер*. Однако приходит время, и контуры проясняются, предметы и

качества проявляют свою истинную суть, цель становится различимой и ей легче следовать. Тогда говорят: *и было утро*. День *Один*.[12]

– А что произошло дальше?

Бог улыбнулся:

– Собственно, никакого дальше не было. Все происходило одновременно, и для нас шесть дней являются единым актом. Но человек не может этого постичь. Чтобы разобраться хотя бы в чем-то, тебе необходимы причинно-следственные связи, структуры, последовательность во времени и разделенность в пространстве. Ты так устроен, и это хорошо.

– Ты расскажешь мне про другие дни?

– Конечно. Про все шесть. И даже про седьмой, скрытый.

– А разве есть еще и седьмой?

– Да. И в свое время ты об этом узнаешь.

* * *

– Во второй день был создан свод, отделивший верхние воды от нижних. Верхние ушли в небеса, нижние остались на земле. Тебе предназначены нижние, но и они лишь отражают истину, скрываемую верхними водами. Находясь среди нижних вод, человеческая душа будет тосковать по недосягаемости верхних. И лишь проливаемые ею слезы способны будут пройти через разделяющий свод, только они будут услышаны на Небесах и смогут привести к исправлению. Впрочем, сейчас еще рано об этом говорить.

Бог вздохнул. Адам молча смотрел в одну точку.

– Может быть, все не так страшно? – прервал он молчание.

– Вообще не страшно. Если ты сделаешь то, что на тебя возложено, тебя ожидает достойная награда.

– Я постараюсь, – пообещал человек.

– Стараться не надо, – Бог усмехнулся, – просто сделай.

* * *

– Я расскажу тебе про светила, большое и малое, – сказал Бог. – Они еще называются дневным и ночным. Никто не знает всего, что произойдет, но некоторые особенности мышления людей будущего проступают уже сейчас. Одна из таких особенностей – неистребимое желание ошибаться. Многие из твоих потомков станут людьми учеными, сведущими во всевозможных науках, а у некоторых страсть к познанию проявится, как у тебя. Или почти, как у тебя. Они освоят множество всякой всячины из источников как правильных, так и не очень. А затем кто-то задумается об этом мире, – Бог сделал широкий жест, – и провозгласит, что такого не бывает.

– Как это не бывает? – удивился Адам. – Вот же он…

Бог рассмеялся:

– Это ты сейчас так говоришь. Поскольку мы с тобой беседуем и ты многое здесь изучил. А теперь вообрази человека, очень похожего на тебя, в сущности, такого же, как ты, но который никогда здесь не бывал. А бывал в других местах, весьма отсюда далеких. И ничего кроме… – Бог слегка запнулся, – кроме своей материальной реальности никогда не ощущал.

– А что, есть еще какая-нибудь реальность помимо этой? Ну я имею в виду вместе с ангелами…

---

[12] **День Один** – первый день заключает в себе единство Творца и мира. Поэтому он обозначается не порядковым номером, как все остальные дни, а День Один – единый.

– Есть, – ответил Бог несколько грустно, – к сожалению, пока что есть.

– И что там происходит? – не унимался Адам.

– Разное, – пожал плечами Бог. – Всякое разное. Именно там люди склонны ошибаться и неистово верить в свои заблуждения. Например, многие полагают, что свет не мог быть создан раньше светил, поскольку, как они утверждают, солнце и луна являются его источником.

Адам расхохотался таким заливистым смехом, что Богу захотелось разделить его веселье.

– Это же совсем другой свет, свет мудрости, – проговорил человек, вытирая слезы. – Разве они этого не понимают?

– Очевидно, нет, – ответил Бог, – и ты не можешь вообразить себе силу их убежденности.

– Нужно научить их, объяснить, показать, дать ощутить… – Адам энергично принялся строить планы.

– У тебя будет на это время, – успокоил его Всевышний. – Послушай сначала про светила. Ведь только после их создания стал возможен отсчет дней и ночей, а значит смог появиться календарь. Получается, что календарь старше тебя, но пользоваться им можешь только ты. Он твой верный помощник, поскольку устанавливает для тебя духовные маяки. В будущем их назовут праздниками.

– В такие дни люди будут отдыхать от работы?

– Пожалуй, хотя это не главное. Смысл праздников в том, что человек может остановиться, взглянуть на себя со стороны, а еще лучше вглубь, и задаться вопросом: где я в этом гигантском потоке времени? Кто я, и какова моя роль в этом мире?

– Это так интересно, – проговорил Адам, – мне нужно над этим подумать.

– Многое из того, что ты видишь – прообразы вещей и событий будущего. Присмотрись: Дневное светило является источником, излучая свет и тепло. Ночное светило его получает, отражая и превращая в лунный отблеск. Так передаются опыт и знания. Кто-то отдает, кто-то принимает. Как мы с тобой: я учитель, ты ученик.

– Мне самому бы это в голову не пришло, – сказал Адам. – Расскажи мне еще про животных, что населяют наш мир.

– Про животных я бы хотел, чтобы ты сам мне рассказал, – хитро улыбнулся Бог. – Я проведу их перед тобой, а ты дашь им имена.

И Адам несколько дней был занят тем, что называл животных. Однако никому из них не дал он человеческого имени. И тогда в высших мирах решили, что человеку нехорошо быть одному, и нужен кто-то плоть от плоти похожий на него, чтобы они вдвоем дополняли друг друга. Только так сможет осуществиться высший план.

* * *

– Теперь наступило время тебе узнать, для чего ты помещен сюда и что за работа тебе предстоит. Отчасти ты уже сам все понял: твоя задача изучать и познавать мир. В твоем распоряжении все источники знаний и опыта. Трудись, учись, строй цивилизацию – словом, возделывай этот сад. Тогда ты узришь и плоды своей работы. В тебе заложен потенциал развития, изменения, приведения мира к совершенству. Не оставайся прежним и не останавливайся на этом пути, становись духовно взрослым. Мне нужен собеседник и единомышленник. В этом и заключается смысл творения.

Адам сидел, обхватив руками колени, вдумчиво слушал, иногда кивал.

– Скажи, – вымолвил он наконец, – когда ты объяснял мне, что в течение пяти дней мир был хорош, но только на шестой сделался очень хорош, ты имел в виду эту работу?

– Конечно. Ведь только ты способен преображать действительность. Без твоей свободы выбирать, без непредсказуемости твоих решений мир уныл и неинтересен, все в нем слишком правильно и известно наперед. Внести в него что-то новое можешь и должен ты! Этим ты

и подобен мне. От твоих слов и действий многое зависит. Пользуясь данным тебе выбором, совершенствуя мир в себе и себя в нем, ты способен исполнить замысел. Но помни: может произойти и обратное. Идя чужими путями, ты ввергнешь все сущее в хаос и преисподнюю. И для этого тоже существует практически неисчерпаемый потенциал. ***Ситра Ахра***[13] – теневая сторона – уже создана, и подстерегает тебя всегда и везде. Она ближе, чем ты думаешь.

– Не беспокойся, я буду ее остерегаться, – заверил Адам.

– Хорошо, будем на это надеяться, – почему-то грустно сказал Бог. – И вот еще что. В твоей работе будет одно ограничение. Пойдем со мной.

Они продвигались к центру сада необычным путем, которым Адам прежде не ходил. И хотя он уже бывал в этом месте, сейчас оно раскрывалось ему в новом ракурсе. Растущие здесь могучие деревья завораживали немыслимой высотой; солнечные лучи плутали в лабиринте ветвей. Адам разглядывал их, задирая голову и озираясь по сторонам. Тропа, непрерывно загибаясь влево, уводила все дальше вглубь сада.

Оно появилось внезапно, за очередным витком тропы, словно выросло из-под земли. «Так деревья и растут из-под земли», – подумал Адам. Мысль показалась ему забавной. Он остановился и уже не мог отвести взгляда. Раскидистый исполин, о существовании которого Адам не подозревал, притягивал к себе таинственной силой, и силе этой трудно было противостоять.

– Это ***Эц haДаат*** – Дерево Познания Добра и Зла, – услышал он знакомый голос. – Не бойся, подойди к нему.

Адам приблизился и обнял шершавый ствол, оказавшийся приятным на ощупь. Он почувствовал желание прижаться к дереву, слиться с ним в одно целое. Словно само собой раскрылось одно из главных свойств его души – восприимчивость. Он ощутил, как новое, неведомое ему доселе знание медленно проникает в него тонкими ручейками. Адам не смог бы выразить словами смысл получаемого им откровения. Оно входило в него целиком, и человеку только еще предстояло осознать его.

– Настанет время, – продолжал голос, – когда ты постигнешь высшую мудрость, вкусив плодов с Дерева Познания. Это произойдет с наступлением великого ***Шаббата***, и тогда ты увидишь, как изменится мир. Шаббат это и есть седьмой день, когда подводятся итоги и сокрытое становится явным. Проявятся результаты твоей работы, и ты сам оценишь, насколько хорошо справился. Но пока Шестой день не завершен, тебе запрещено есть с Дерева Познания. Все плоды сада твои, кроме этих. Помни это и не подведи меня.

Адам почувствовал прикосновение руки Бога.

– И последнее, что я покажу перед тем, как отправить тебя в свободное плавание. Отойди от Дерева.

Адам сделал несколько шагов назад и вдруг замер на полувдохе. Прямо у него перед глазами Дерево Познания Добра и Зла словно рассеклось вдоль всего ствола снизу вверх, вывернувшись наизнанку. Адам почувствовал странную легкость внизу живота, сад завертелся вокруг него, ноги подкосились, и он рухнул на землю от сильного головокружения. За несколько мгновений он успел заметить внутреннее дерево, которое было еще прекраснее. Оно излучало ровный голубоватый свет, а внешнее теперь представлялось лишь оболочкой. К моменту, когда Адам вспомнил, что еще не выдохнул, Дерево вновь закрылось, приняв свой изначальный вид.

– Что это было? – дрожащим голосом произнес Адам.

---

[13] **Ситра Ахра** – в Каббале: обратная сторона. Является противоположностью Древа Жизни, связана с Сатаном, демонами и сокрытием божественного света. Создана Богом с целью противовеса или препятствия, обеспечивающего потенциал для работы по исправлению мира.

– Это ***Эц hаХаим***, Дерево Жизни, – ответил Бог. – Оно упрятано от взоров, и тебе не следует смотреть на него дольше необходимого. Я показал тебе несколько скрытых вещей, чтобы ты знал об их существовании. Этого пока достаточно.

С последними словами Бог навел на Адама глубокое оцепенение.

* * *

– Здравствуй, – услышала Хава ласковый проникновенный голос.

– Здравствуй, но я никого не вижу.

– Я здесь, под яблоней.

Хава обернулась и разглядела среди ветвей незнакомца, похожего на них с Адамом. В отличие от животных он передвигался на двух ногах. Лицо его казалось слишком правильным и светилось каким-то особенным светом. Хаву заворожили огромные внимательные глаза, сияющие, как звезды, которыми любовались они с Адамом безлунными ночами из своего Ган Эдена.

– Кто ты? Я тебя здесь раньше не видела.

– Меня зовут *Нахаш*[14], – ответил незнакомец, – и я действительно здесь недавно.

Хава почувствовала еще большее доверие.

– Откуда же ты появился?

– Из Древа…

Нахаш сказал правду. Правда в целом была свойственна его речам, которые он сплетал, опираясь на незыблемые основы мироздания. Из непреложных истин выстраивались его доводы, представляясь весомыми, достоверными и правдоподобными. Но в нужный момент происходила подмена понятий схожими, но иными по смыслу; увесистый рычаг правды перекидывался на другую сторону, ставя все с ног на голову. Запутавшейся в паутине софизмов жертве ничего не оставалось, как признать его правоту.

За те несколько мгновений, пока Бог демонстрировал человеку тайны Деревьев, через раскрывшуюся щель между мирами с теневой стороны успели просочиться две сущности. Одну из них звали Лилит, и она, следуя своей дикой природе, скрылась от ангелов, охраняющих устои мира, и принялась плодить подобных ей демонов.

Со вторым дело обстояло серьезнее. Сатан, верховный ангел-обвинитель, стоящий у престола славы, сам пожаловал в этот мир в образе Нахаша. Он явился к человеку с испытанием, ставя перед ним задачу, которую тому надлежало решить. Но то ли Сатан преследовал собственные, отличные от божественного плана интересы, то ли раскрытие хитрого плана оказалось экзаменуемому не по зубам, а только все пошло не так. Жертва была выбрана самая беззащитная, созданная для любви и интуитивного пророчества и не имевшая никаких шансов в интеллектуальной казуистике, предложенной незнакомцем.

– Правду ли сказал Бог, что нельзя вам есть от древа сего? – вкрадчиво поинтересовался Нахаш.

– Да, нам можно есть от всех плодов, но только не от этого дерева.

И секунду подумав, Хава прибавила для убедительности:

– И даже прикасаться нам к нему нельзя.

Ловушка мягко защелкнулась еще до того, как Хава успела осознать, что происходит. В полной мере не осознала она этого и впоследствии, когда было уже поздно. Когда жизнь ее и

---

[14] **Хава** – в переводах Ева – дающая жизнь (*ивр.*). **Сатан** – в переводах Сатана – верховный ангел. **Нахаш** – в переводах Змей. Одно из воплощений Сатана. **Ган Эден** – в переводах райский сад. Здесь: место, куда был помещен Первый Человек (Адам) для выполнения работы по совершенствованию мира. Здесь и далее имена и названия приближены к оригинальному звучанию.

Адама, а вместе с ними и всего творения необратимо изменилась навсегда, почти утеряв связь с божественным присутствием в непосредственной близости от себя.

– Не может ли быть такого, что вы, люди, слепо следуете вбитым вам в голову догмам? – Нахаш смотрел на Хаву с ласковой и слегка укоризненной улыбкой.

– С чего это ты так говоришь? – обиженно возразила Хава. – Мы с Адамом не какие-нибудь зомбированные фанатики. Мы изучаем мир и все подвергаем критическому осмыслению.

– Конечно, – подтвердил Нахаш, – иного от вас никто и не ожидает. Так ты можешь объяснить, почему вам запрещены плоды этого древа?

– Эээ, – Хава смутилась, – ну, потому что… Ну Бог нам так сказал.

Нахаш усмехнулся, прикрыв глаза, и по выражению его лица Хава поняла, что именно это он и предполагал.

– Бог вам так сказал потому, что отведав плодов сиих, подобными Ему станете.

– Как это? – опешила Хава.

– Ну вот смотри…

С этими словами Нахаш слегка подтолкнул Хаву к дереву, так что его обольстительно сочный плод оказался прямо перед ней; она непроизвольно прикоснулась к нему, и тут же отдернула руку. При этом ничего не произошло. Все вокруг оставалось таким же, как и раньше, внушающим безмятежное счастье.

– Вот видишь, ты напрасно волновалась. Отведай от него, – Нахаш наблюдал, как взгляд Хавы все дольше задерживается на источающем аромат плоде. – Чего бояться, когда ты изучаешь мир. Ведь пытливости исследователя на пути к истине ничто не должно останавливать. К тому же, ты уже сделала первый шаг, а он, как известно, самый трудный. Осталось лишь укрепиться в своем знании. Как любят здесь повторять, сказал ***алеф***, говори и ***бэт***.[15]

Плод оказался приятно шершавым, как и ствол дерева; руки сами хотели гладить его. Хава перекладывала плод из правой ладони в левую, прижимая его к лицу. Нахаш улыбаясь смотрел на нее и не торопил. Откуда-то появился Адам. Заметив его, Хава погрузила зубы в мягкую плоть. Вкус плода был несравним ни с чем, что им доводилось пробовать в саду. Она поднесла его к губам Адама, и дальше они наслаждались вместе.

Внезапно они почувствовали, что теряют равновесие. Окружающий мир начал выворачиваться наизнанку, превращаясь в свою противоположность. Солнечный день сменился сумерками, очертания всего вокруг сделались размытыми, и Адам с Хавой перестали узнавать свой знакомый сад. Их тела теперь были сжаты в талии жесткими шершавыми поясами. Стало зябко, и им пришлось жаться друг к другу, чтобы немного согреться.

– Что это вы учудили? – прозвучал знакомый голос, но они никого не могли разглядеть.

– Она дала мне плод…

– А мне дал этот… он назвался Нахаш.

– Так я и знал! Нельзя было надолго оставлять вас одних, – Бог вздохнул. – Ну думал, может, получится.

– Что с нами произошло? – дрожа от холода спросил Адам.

– То, чего не должно было произойти, – теперь уже строго ответил Бог. – Вы впустили в себя недозревший плод с Дерева Познания, а вместе с ним и запутанную смесь света и тьмы. Раньше добро и зло созревали и разделялись во внешнем для вас мире. Этот процесс уже почти завершился; по меркам Шестого дня оставался какой-то час… После этого вы бы познали очищенное добро и зло, и цель творения была бы достигнута. Однако теперь вся эта недозревшая смесь проникла в вас, а значит будет передаваться и вашим потомкам. Исправить этот про-

[15] **Алеф, Бет** – начальные буквы священного алфавита.

мах, то есть полностью отделить свет от тьмы внутри себя, будет совсем непросто, и для этого потребуется длительный срок.

Бог задумался на мгновение, будто что-то взвешивая:

– Тысяча лет за день – итого около шести тысяч лет.

– Но мы же не можем жить так долго… – в глазах Адама читался страх.

– Конечно нет, – спокойно ответил Бог, – вы потеряли бессмертие. И отныне в нижнем мире, куда вы отправитесь, целой череде поколений придется заниматься исправлением неудавшейся работы.

– Что же, ничего нельзя изменить?

– Можно, но в мире есть вещи, которые не получится восстановить в одиночку. Будут необходимы усилия тысяч ваших потомков.

Адам и Хава словно уменьшились в росте. Не в силах осознать происходящего, они бессмысленно оглядывались, все еще надеясь обнаружить поблизости того, кого считали абсолютной защитой.

– Тебе придется добывать хлеб в поте лица своего, – обратился голос к Адаму. – Это будет нелегко, особенно поначалу. И к сожалению, у тебя почти не останется времени на духовную работу и познание мира. Хотя любые попытки в этом направлении будут очень приветствоваться.

– Тебе, – голос воззвал к Хаве, – достанется взращивание детей. И ладно бы все заканчивалось на родах – это еще полбеды. Но ведь их нужно будет воспитывать. И на этом споткнутся многие.

– Что до этого… – оба поняли, о ком речь, – на него налагается проклятие. Подстрекателей не судят, особенно идеологических, ибо мера зла в них бездонна. Они не подлежат исправлению. Поэтому он обречен пресмыкаться по земле и превращать энергию жизни в прах смерти. Но пускай это вас не заботит.

Бог посмотрел на стоящих перед ним мужчину и женщину. Адам и Хава молчали, не зная, что сказать.

– Не сочтите за наказание, – голос Бога снова стал мягким, – наказаниями в высших сферах не промышляют. Это просто новые условия работы. Вообще, ни сейчас, ни в будущем вам не следует воспринимать это как кару или, чего доброго, проклятие. Вы допустили промах, который усложнил общую задачу. Но у меня нет намерения вас наказывать, да и к чему? Мне важно достижение конечной цели, и для этого вам нужно исправить свою часть, а мне – свою. Поэтому просто делайте, что должны.

Люди молчали, не находя слов и не понимая, как спросить, что же от них теперь ожидается. Простота и ясность Эдемского сада ушли от них навсегда.

– Да, и вот еще что: мне понадобится кто-то для выполнения особой задачи, без которой замысел не осуществится. Сначала я думаю вручить эту роль одному человеку, то есть тебе, – голос был обращен к ним обоим, – затем большой семье. А потом, может, и целому народу. Ну, посмотрим, как пойдет.

Бог помедлил еще мгновение, словно раздумывая, стоит ли произносить последние слова. Внезапно Адам и Хава увидели проступившую из сумрака знакомую фигуру. Они протянули к ней руки, но то, что ощущалось совсем рядом, оказалось для них недосягаемым.

– Я надеялся, – произнес Бог, – твоя сущность будет цельной, как Первый день Творения. Но сложилось так, что тебя пришлось разделить. Понадобился ряд неудачных попыток, прежде чем мы поняли, что для достижения цели необходимы вы вдвоем с Хавой, каждый в своей роли. Ваше соединение – важнейшая составляющая общей задачи. Единым должен быть не ты и не она, а совокупность ваших разума, души и тела. Это мы и назвали человеком.

Хава вдруг почувствовала странное щекотание в глазах. Мельком взглянув на нее, Адам заметил, что ее щеки увлажнились, а губы подрагивают. Он никогда не видел ее такой; его дыхание сбилось и стало прерывистым.

– Несмотря на ясность цели разъединение далось нелегко. Мне казалось, что я во втором дне и вновь отделяю верхние воды от нижних. Но я решился и сформировал Хаву из тебя, из твоей души и плоти… как и… – Бог задумался, словно вспоминая что-то настолько глубокое, что человеку об этом знать не следовало. – Как и мир я создал, освободив место внутри себя.

На этих словах голос умолк и появился белый ангел с обоюдоострым вращающимся мечом, из которого струились языки пламени. Ангел вырос над людьми, и, хотя он не двигался с места, они невольно попятились, опрокинулись назад и на несколько долгих мгновений ощутили невесомость своих тел.

Они очнулись под сенью деревьев в живописной озерной долине. Журчание ручья и пение птиц ласкали слух. Мягкое солнце золотило склоны зеленеющих холмов. Все так напоминало их родной Ган Эден. Но это был уже не он.

Три попытки

Оказавшись в нижнем мире, люди не собирались сидеть сложа руки. Каких только способов ни изобретали они в надежде на благоволение Небес, на какие только ухищрения ни пускались. Три попытки исправления Первого Человека были предприняты двадцатью поколениями его потомков. Решить задачу пробовали взаимной любовью всех ко всем, что превратилось в разгул блуда; затем всеобщим единением на основе идеологии, что закончилось тотальным разобщением; и наконец, верховенством закона, слепое следование которому привело к извращению и идолопоклонству.

Все не задалось с самого начала, когда Каин восстал на своего брата Эвеля[16] и земля возопила о пролитой крови. Древние учили, что причиной такого конфликта могут стать только власть, богатство или женщина. Как бы то ни было, свой путь по грешной земле человек начал с убийства собственного брата.

– Ты знал! – взывал Адам, упав на колени рядом с мертвым Эвелем. – Ты все знал! И все равно отправил нас в этот ад!

Грозя кулаками глухому небу, Адам осыпал Бога проклятиями, пока у него не сел голос и не закончились силы. Хава молча стояла рядом и никто не узнал бы в ней беззаботную исследовательницу Эдемского сада.

По счастью, вместе с Каином и Эвелем на свет явились их сестры, и когда трагедия разрушила первую и единственную семью, безутешная мать не осталась одна. Земные Адам и Хава не могли находиться в обществе друг друга – слишком сильна была боль. Покинув дом, Нижний Адам долгие годы скитался в земле Куш, где пытался отыскать осколки, на которые Верхний Адам разбился в результате грехопадения. Древние называли эти осколки искрами святости, полагая, что собрав их воедино, можно воссоздать душу Первого Человека. Иногда Адам находил искры святости в других людях, всякий раз радуясь, но толком не понимая, что со всем этим делать.[17]

* * *

– Разве сторож я брату своему? – пожал плечами Каин.

– Значит, ты делаешь вид, что меня нет и я не вижу твоего прошлого, настоящего и будущего? Хорошо. Каждый несет ответственность за то, что совершает. Я скроюсь от тебя, и ты меня больше не увидишь. Меня для тебя больше нет.

Каин хотел что-то возразить, но Бог остановил его повелительным жестом.

– Каждому воздается по делам его. Ты обречен скитаться по земле, нигде не находя себе пристанища. Умертвив своего брата, пал ты ниже животных, поэтому они не будут трепетать перед тобой в страхе. Берегись, как бы они не стали тебя обижать. Но свое ты должен получить сполна, поэтому никто из смертных не прервет твою жизнь раньше седьмого поколения. А чтобы все понимали, кто перед ними, я снабжу тебя специальным знаком. Одни, завидев его, устрашатся, другие отвернутся. Люди и звери будут сторониться тебя.

Вечная неприкаянность стала уделом Каина. Неизбывная тоска гнала его по просторам земли, пока в порыве отчаянья не открыл он в себе способности к строительству. Он основал первые города и один из них назвал именем своего первенца – Ханох. Почувствовав силы к

---

[16] **Каин** – приобретение; **Эвель** – в переводах Авель – суета, преходящее.

[17] Согласно традиции, Верхний Адам при грехопадении разбился на шестьсот тысяч осколков (душ), которые с тех пор осуществляют работу по восстановлению Первого Человека и исправлению его промаха. Каббалисты называют эти осколки искрами святости и учат, что часть их разбросана среди народов мира. Эти искры святости и искал Адам в земле Куш.

созидательному труду, он заложил основы ремесел и изобрел орудия земледелия. Сменится семь поколений, когда его наследник по имени Йуваль обнаружит, что в мире есть много прекрасного, и станет родоначальником музыки – гармонического сочетания звуков и эмоций. Он навсегда запечатлеет в ней трагический образ своего прародителя.

Сто тридцать лет минуло после распада семьи, когда Адам вернулся к своей жене. Воссоединившись, они родили третьего сына и нарекли его Шет – фундамент. И побежали от Каина и Шета пестрые поколения Ханохов, Лемехов, их сыновей, переплетаясь, соединяясь, ветвясь. Кое-кто из них дружил с Богом, и в знак признания своих заслуг еще при жизни был вознесен на небо. Дочери человеческие выходили замуж за невесть откуда взявшихся великанов, которых некоторые считали ангелами, спустившимися к людям, чтобы остаться с ними навсегда. А патриарх по имени Метушелах, проживший почти тысячу лет, прославился тем, что истреблял своим чудесным мечом полчища демонов, порожденных ненасытной Лилит.

Годы сплетались в десятилетия, десятилетия в века. Люди почти не вспоминали о своем предназначении, их божественная природа покрывалась песком забвения. Никого не смущали блуд и скотоложество; всякая тварь извратила путь свой на земле. Бог скорбно взирал на вершащиеся бесчинства.

В десятом поколении от Адама появился человек, которого Всевышний присмотрел себе для задуманной перезагрузки. В человеке этом не было ничего особенного; он следил за порядком в своей семье и прислушивался к советам Всевышнего. И хотя света его праведности хватало лишь на то, чтобы согреть себя и свой дом, по допотопным временам довольно было и этого. Современники высмеивали его, называя героем в балахоне. Имя его – Ноах, и наследовал он линии Шета. Жена же его происходила из рода Каина. Так в их семье переплелись две изначальные родословные.[18]

В течение ста двадцати лет Ноах растил лес из корабельных сосен, чтобы использовать их дерево для постройки ковчега. Неуместность странного предприятия – судна посреди леса – порождала удивление, оторопь, обескураженность, а возможно и зарождение у окружающих внезапной мысли, что, может быть, не все в мире нормально. Ноах и его семья работали не за страх, а за совесть, но решительно ни в ком их нелепое начинание не находило отклика. Люди, отвыкшие за долгие годы от созидательного труда, не проявляли интереса ни к чему, кроме примитивных развлечений. Деградация поколения шла полным ходом, пока в конце концов чаша терпения Всевышнего не переполнилась. Тогда на сорок дней разверзлись небесные хляби и все, что было на земле, стало медленно затопляться водой.

Теперь уместным оказался уже ковчег – на нем Ноаху с женой, тремя сыновьями и их женами, а также несколькими животными, попарно отобранными по указанию Бога, предстояло перебраться в другой, незнакомый мир. За год плавания людям ни на что иное не хватало времени, помимо ухода за всем этим зоопарком. Когда ковчег пристал к горе Арарат и потомки Адама и Хавы сошли на землю, она показалась им не такой огромной и яркой, какой они знали ее прежде. Условия их бытия сделались скромнее, краски обрели полутона. Им это даже понравилось, поскольку позволило, заново заселив землю, вернуться к давно заброшенной работе.

Распрощавшись с идеей любви всех ко всем, Бог заключил новый завет с сыновьями Ноаха, каковым обязывался никогда впредь не наводить потоп на весь мир. Чтобы не забыть данного обещания, он поместил над землей радугу как напоминание о заключенном соглашении. Поэтому древних не очень-то радовало появление семицветных полос на небосклоне; ведь это могло означать, что рядом происходят дурные вещи, и если бы не спасительный радужный знак, мир, возможно, оказался бы в опасности.

---

[18] **Ноах** – в переводе Ной.

* * *

Нимрод стал первым царем среди людей. Достичь столь высокого положения ему удалось благодаря необычной способности, приписываемой ему подданными, и граничащей, по их мнению, с магией древних патриархов. Они считали, что царь понимал язык зверей и птиц, что бесспорно возвышало его в их глазах. Между тем, правдой это являлось лишь отчасти. Редкой способностью был наделен не сам Нимрод, а пестрое платье, доставшееся ему по родовой цепочке от Ноаха. Тот прихватил его с собой из допотопного мира и передал одному из своих сыновей. Поколения владельцев этой чудесной одежды хранили предание о принадлежности ее самому Адаму, когда он был отправлен из Ган Эдена на грешную землю.

Так или иначе, Нимрод сумел обернуть это обстоятельство себе на пользу, завоевав авторитет и возвысившись над остальными. Как и положено правителю, хотя до него таковых не существовало, основной задачей он полагал увековечение себя вместе с эпохой. Централизованная власть, единый язык, всеобщая культура сделались привычными, войдя в каждый дом. Чтобы увенчать торжество идеологии, царю необходима была всемирная стройка.

И она началась, развиваясь бурными темпами, поскольку поддержку в народе нашла самую широкую. Уходящая под облака Башня была выбрана не случайно: в памяти потомков слишком свежи оказались предания о потопе. Поэтому люди, чтобы предотвратить очередное бедствие, надеялись добраться до неба, получив доступ к источнику дождя. Про обещание Бога никто не вспоминал, да и полагаться они предпочитали на собственные силы.

В запале энтузиазма строители Башни открыли технологию изготовления кирпичей, справедливо заметив, что обожженная глина лучше приспособлена для зодчества, чем необработанный камень. Так нерукотворное постепенно замещалось плодами человеческого труда, и люди шаг за шагом, кирпич за кирпичом отдалялись от Бога. Все бы ничего, да только строительные материалы сделались ценностью большей, чем человеческая жизнь. Разбившийся кирпич становился поводом для всеобщего горя, но, когда вниз срывался человек, на это мало кто обращал внимание.

Даже не принимавшие участия в работах считали стройку своей. Не потому, что имели к ней отношение, а потому что ощущали себя частью чего-то грандиозного. Башня росла не по дням, а по часам, и у некоторых уже сложилось впечатление, что до неба осталось совсем немного.

Бог взирал на происходящее среди людей и видел, как подобно одинаковым кирпичам, личность превращается в безличие.

«Иначе и быть не может, – думал Он. – В этом смысл любой идеологии».

Исправление промаха Первого Человека явно не задавалось. Мир вновь двигался не в ту сторону.

В один из дней месяца *Адара*[19] на исходе зимы строители вдруг перестали понимать друг друга. Только вчера они говорили на общем, понятном всем языке, и вот сегодня произошло то, во что никто не хотел верить. Многие бегали от одних знакомых к другим, пытались докричаться, взывали к разуму и состраданию. Но все было тщетно, договориться так никому и не удалось.

Потопа не потребовалось. В отличие от людей, Бог помнил о своем завете с Ноахом. Он разбил единый язык на семьдесят наречий и этим расстроил амбициозный проект. Адепты идеологии Башни, потеряв интерес друг к другу, разбрелись кто куда по всей земле. Вторая попытка исправления мира путем сплочения вокруг великой идеи обернулась прахом.

---

[19] **Адар** – последний месяц лунного календаря (ивр.), соответствует концу февраля – началу марта.

* * *

В Цдоме[20] жили люди, превыше всего чтившие закон. Строгость предписаний дошла до того, что каждому выделялось его собственное жизненное пространство, с которым никто не имел права соприкасаться. Дружба и гостеприимство оказались у них не в чести, а со временем и вовсе были объявлены вне закона.

Вряд ли образ жизни горожан делал их счастливыми или приносил удовлетворение. Они тащили свой воз в призрачной надежде, что строгие рамки их бытия создадут в мире необходимые условия для восстановления Первого Человека.

«Все из-за него, из-за его эмоциональной незрелости! – жаловались они друг другу. – Ведь до его досадного промаха все в мире действовало по строгим правилам, как часы».

«И даже, – прибавляли иные, – сама природа подчинялась незыблемому закону».

Однако и этому остроумному замечанию никто не улыбался. Однообразно и невесело тянулось существование местных обитателей, забывших о красках и чувствах.

Однажды в Цдоме появился человек по имени Лот. Поговаривали, что он размежевался со своим дядей Авраамом из-за споров их пастухов по поводу пастбищ. Лот попал в плен к четырем царям – хозяевам этих земель, и дяде пришлось вызволять его из беды, объединившись с другими пятью царями. После этого цдомитяне оставили Лота у себя. Как пришельцу ему предписывалось поселиться вблизи городских ворот. Его женили на племяннице одного знатного горожанина, и у него родились две дочери.

Еще полтора десятка лет Бог наблюдал за Цдомом и соседней Гоморрой, не изменится ли хотя бы что-нибудь в городах, не знавших милосердия. Но нет, жители судили своих соседей исключительно с помощью циркуля и линейки. Ни дуновения эмоций, ни чувства сострадания не пробуждалось в их душах. Это заставило высшие сферы задуматься о том, что даже самый утонченный инструмент, посредством которого Бог тщательно выверял нормы и подстраивал друг к другу величины мироздания, будучи неумело примененным, может сделаться причиной зла и разрушения.

Вдобавок ко всему, в Цдоме участились безжалостные суды над совершившими даже незначительное отступление от закона. На этой почве стало процветать доносительство, еще вчера казавшееся пережитком мрачных времен. Причем «стучать» не стеснялись даже известные в городе люди. Это называлось «Вечером преступление – утром наказание». Цдомитяне искренне верили, что исправляют мир.

Пользуясь всеобщей апатией, власть при помощи незатейливых софизмов убедила население в своей безусловной правоте в любой ситуации. Хотя мало кто из горожан покидал пределы близлежащей пустыни, большинство было уверено, что страны заокраинного запада преследуют одну цель – захватить и подчинить их себе. Образ врага глубоко засел в сознании людей, превратившись в главный ментальный скреп. У тех немногих, кто еще пытался свободно мыслить, подобная убежденность вызывала недоумение: ведь кроме залежей морской соли да ползучего огня, которым цдомитяне регулярно угрожали всем вокруг, хвастаться в Цдоме было нечем. Постоянные враждебные выпады в сторону соседей закончились тем, что те прервали с обезумевшим городом всякие отношения. Каждый новый произвол власти тут же возводился в статус закона, развязывая руки карательным органам. К несогласным и пытающимся сопротивляться применялись репрессивные меры. Так продолжалось довольно долго, поскольку большинству населения подобное положение дел было по душе.

---

[20] **Цдом** – в переводах Содом. Содом и Гоморра – древние города на берегу Мертвого моря, на которые по приказу Бога архангел Габриэль (Гавриил) низверг пепел и серу. Одной из причин уничтожения городов принято считать насилие жителей друг над другом.

Однажды на заходе солнца у городских ворот появились двое путников. Они постучали в двери Лота и были радушно приняты хозяевами. Случай по меркам Цдома вопиющий. Не прошло и получаса, как к дому начала стекаться толпа. Движимые праведным гневом горожане недвусмысленно потребовали выдачи им пришельцев для суда и приговора, ибо был нарушен священный закон, запрещающий прием гостей. Лот, выйдя из жилища, предложил взамен своих дочерей, чем вызвал еще большее неудовольствие собравшихся:

– Ты что, определяешь нас в насильники? – негодовала толпа.

– Нам не нужны твои дочери, ибо они невинны. Нам нужны твои гости!

Не могли цдомитяне знать, что уже давно обречены вместе со своими злосчастными городами. Выйдя к толпе, незваные пришельцы окинули ее едва заметным взглядом. Вследствие этого или по какой-то иной причине, в ту же секунду местные жители потеряли всякий ориентир в пространстве и во времени, и ничего другого не могли, как хаотично передвигаться, натыкаясь на стены и друг на друга. Впрочем, это было уже не важно: один из гостей, архангел Микаэль, спешно уводил Лота и его семью в сторону гор; другой же, Габриэль, приступил к тому, зачем он сюда явился – низверг с небес на горящие города пепел и серу.

– Что бы ни случилось, не оборачивайтесь, – скомандовал Габриэль беглецам.

Но карабкаясь по острым камням пустыни Мертвого моря, чувствуя спиной нечто страшное и неотвратимое, молодая женщина все же посмотрела назад. Красивая и полная жизни, она так и застыла в соляном камне – стремительный разворот точеного тела, волосы, выбившиеся из-под платка, и ужас, застывший на прекрасном лице.

В смятении и страхе, движимые предчувствием неминуемого конца, уверенные в том, что они остались последними в мире людей, девушки, напоив отца вином, совершили инцест – как это часто случается, из самых благих побуждений. Отсюда взяли начало два больших народа Аммон и Моав.

* * *

Совет высших ангелов был в разгаре. Управляющие всем сущим силы выдвигали доводы за и против человека. Сказало Милосердие:

– Создавай и береги его в надежде, что он научится добру.

Ответила Истина:

– Не сохраняй его, ибо весь он – ложь.

Возразила Правда:

– Храни и защищай его, потому что он жаждет справедливости.

– Сотри его, – уверял Мир, – ведь он вершит сплошные раздоры.

– Посмотри, – обращались они к Всевышнему, – у человека была задача в Ган Эдене – он с ней не справился. Мы дали ему три попытки в нижнем мире, и что же? Беспорядочную любовь пришлось смывать водами чистоты. Идеологию всеобщего строительства нелепой башни удалось прекратить лишь разобщением энтузиастов. А чем закончилось торжество бездушного закона в Цдоме и Гоморре, и вспоминать не хочется. Не пора ли признать план по созданию и развитию человека несостоятельным, по крайней мере, в нынешнем виде, и прекратить его разработку?

Никто не знает, в какую сторону склонилась бы чаша небесного суда. Доводы высших ангелов за и против смертных выглядели настолько весомо, что невозможно было отдать кому-либо предпочтение. И тогда Всевышний разыграл последнюю карту:

– С Башней не переживайте, – вмешался Он. – Если эти души так полюбили свои кирпичи, им придется какое-то время изготовлять их не по своей воле. Так мы восстановим равновесие в мире.

Когда среди спорщиков установилось спокойствие, Бог продолжил:

– Я представлю вам человека, который, по моему расчету, должен убедить вас в целесообразности всего начинания.

Ангелы смотрели на него с недоверием; некоторые пришли в смятение, предвкушая очередную каверзу.

– С этим человеком к людям придет милосердие, которое прежде не заглядывало в их сердца. Я заключу с ним завет и произведу от него великие племена. Я помогу ему создать большую семью с крепкой и богатой традицией. А потом… потом, возможно, я выращу из этой семьи целый народ, и мы вместе еще раз попытаемся исправить промах Верхнего Адама.

Ангелы хранили почтительное молчание.

– Этот человек уже давно живет в подвластном вам мире. Имя ему…

Здесь Всевышний сделал некий знак, понятный лишь высшим ангелам, и те согласно кивнули.

Часть I
Мицраим[21]

…когда за мной гналась секира фараона.
И. Бродский

Хранитель казны

Стоя у шатра Откровения в ожидании решения своей судьбы, Корах вспоминал, как впервые встретился с Божьим Человеком.

Вернее, никакого Божьего Человека в те времена еще не было, и никто не догадывался об истинном предназначении энергичного юноши из царского дворца. Память Кораха сохранила эпизод, когда на пороге канцелярии появился высокого роста и благородной наружности египтянин. Белая юбка из дорогой ткани выдавала в нем принадлежность к высшему сословию. В столичное казначейство его направили для освоения практических навыков в науке государственного управления, которой он обучался при дворе фараона. Сочетание обходительности манер и ответственного отношения к своим обязанностям позволило юноше снискать симпатию в глазах писцов и счетоводов. Даже легкое заикание не умаляло его обаяния. Корах, возглавлявший в то время финансовое ведомство, вскоре оценил молодого человека за незаурядность ума и расторопность в действиях.

Встречи их стали почти ежедневными. Редкая тема оставалась незатронутой во время обеденных трапез в тенистом дворе канцелярии. Их занимало все – от усовершенствования системы налогов и облегчения труда рабов на стройках Раамзеса и Питома до предметов духовных, предполагающих абстрактность мышления и глубину знаний. Многие из царских советников, включая жрецов храма Осириса, придерживались мнения, что талантливый юноша в недалеком будущем вознесется весьма высоко, а со временем, возможно, будет провозглашен первым министром Египта.

«Какая-то скрытая сила таится в этом воспитаннике царственного владыки, – думал Корах, улыбаясь молодому человеку и потягивая вино из медного кубка. – Есть в его взгляде и словах нечто, выделяющее его из прочих. И если моя догадка хоть в какой-то мере верна, то похоже, Всевышний вспомнил о своем несчастном народе».

Несмотря на умудренность жизненным опытом, Кораху не удавалось осмыслить всего происходящего на его глазах, а тем более заглянуть в будущее.

Однако распознавать знаки он умел, и знаки говорили, что он на правильном пути. Странность обстоятельств вокруг судьбы этого юноши лишь подтверждала его догадки. Чудесное спасение от египетских солдат, когда почти все младенцы иврим были утоплены в Ниле; усыновление дочерью фараона; воспитание в царском дворце и наконец прямой путь к вершине пирамиды власти едва ли могли быть простой случайностью. Во всем этом чувствовалась единая воля, некое послание, смысл которого Корах пытался разгадать.

Начальственная должность обязывала Кораха участвовать в судьбе своего народа. Всякий раз, сопоставляя наблюдения с накопленными знаниями, он удивлялся причудливому созвучию современности с историей его предков. Казалось, передаваемое из поколения в поколение древнее пророчество проросло в растрескавшейся от беспощадного солнца египетской почве и вот-вот должно принести долгожданные плоды.

---

[21] **Мицраим** – Египет (ивр.).

Все повторялось: снова во главе объединенных царств предстояло встать человеку из ханаанского племени пастухов – своенравных пришельцев в этой грандиозной, древней, как мир, цивилизации.[22] Три поколения назад подобное уже происходило. Тогда выдернутый из тюремной ямы в топях нижнего Нила и возведенный царственной рукой на недостижимую для инородца высоту смышленый молодой человек спас от голода тысячи людей. В Египте его называли Озарсиф – кормилец, а среди народа иврим он был известен как Йосеф, сын Иакова.[23]

За обоими юношами с рождения гнался ангел смерти. Первого непредсказуемая судьба спасла из пересохшего колодца со змеями и скорпионами, куда его бросили родные братья, второй уцелел в волнах священного Нила под веслами галерных гребцов. И как юный Йосеф, выкупленный у братьев ишмаэлитскими купцами за двадцать сребреников, был увезен в Египет, чтобы пройти через головокружительную карусель падений и взлетов, так и этот юноша, младенцем найденный в речных камышах и взятый во дворец фараона, со временем, вероятно, поднимется до управления страной Северного и Южного царств.

– Мои учителя, – говорил Корах своему собеседнику, – не раз говорили, что человек воплощает в себе два начала. С одной стороны, он создан из праха земного, туда же и вернется, и перед Богом он ничто. С другой стороны, весь мир создан для него, и он венец творения. Наш праотец Авраам прекрасно это знал, а на себе почувствовал, когда выторговывал у Всевышнего спасение для людей Цдома и для своего племянника.

– Да, я помню эту историю, – улыбнулся молодой человек. Легкое заикание не снижало выразительности его речи и даже добавляло ей некое очарование. – Все это весьма занимательно. Особенно взаимосвязи между сюжетами, как они переплетаются, и как одно вытекает из другого.

Отпив из кубка, он окинул взглядом укрытый от солнца двор.

– Однако, скажи, – зачем было помещать этот народ в такие бедственные условия? Рабство изнурило его за многие годы, вымотало душу, почти убило традицию. У них великие предки, чем же они заслужили?

– Я и сам не раз задавался этим вопросом, – задумчиво произнес Корах. – И вот что я думаю. Помести человека изначально во дворец и окружи его слугами, выполняющими все желания, вряд ли он разовьет в себе способности лидера, а уж потенциал, заложенный в него от рождения, и вовсе останется нераскрытым. Другое дело, когда он взрослеет в среде чужой, порой недружественной, когда сам пытается постичь, кто он и зачем он здесь. К тому же, человек нуждается хотя бы в толике любви. Иначе ничего не получится.

– Тогда плохо мое дело, – рассмеялся юноша.

– Я думаю, у тебя с этим все в порядке.

К беседке подошел слуга и, низко поклонившись молодому человеку, сообщил, что его ожидают в канцелярии для решения неотложных проблем.

– Конечно, иди, – кивнул ему Корах. – И не стесняйся сам принимать решения. Вскоре это тебе очень пригодится. Удачи, Моше.

* * *

Пост хранителя государственной казны перешел к Кораху не по наследству, а в знак признания заслуг на службе в финансовом ведомстве. Когда его предшественник, человек, лично знавший двух фараонов, удалился в палаты Почтенной Старости, пост казначея достался

---

[22] **Объединенные царства** – царства Верхнего и Нижнего Египта были объединены в одно государство еще в начале третьего тысячелетия до н. э. Здесь имеется в виду эпоха Нового царства 1550–1070 гг. до н. э., когда правили фараоны XVIII – XX династий. Конкретно Рамзес II (1279–1213 гг. до н. э.) именовал себя властителем Верхнего и Нижнего Египта.

[23] Здесь сопоставляются судьбы **Йосефа** (Иосифа), одного из двенадцати сыновей патриарха Иакова, и **Моше** (Моисея).

ему практически без конкуренции. Ближайшие советники фараона, мудрецы объединенного Египта, рекомендовали Кора-ха как человека многоопытного, умудренного жизнью, честного и, как никто другой, сведущего в своем деле. Фараон вручил ему государственную печать и ключ от казны; по завершении официальной церемонии Корах вступил в должность.

Подобный служебный взлет неегиптянина выглядел тем более странно, что в стране год от года усиливалось угнетение его соплеменников. Непостижимым образом некогда богатый и процветающий народ оказался в неволе, потеряв самостоятельность и впав в бедность. От восхода до заката люди были заняты тяжелым физическим трудом, не оставлявшим ни времени, ни сил ни на что, кроме сна и скудной трапезы. Рабство настолько глубоко укоренилось в их сердцах и умах, что никто уже не вспоминал о временах полноправной свободы. Едва ли они смогли бы объяснить, как оказались в столь бедственном положении. Ведь произошло это не внезапно, не в результате некоего события, а постепенно и незаметно, когда в течение многих лет их ограничивали в правах, отделяя от других египетских подданных.

Начиналось все безобидно – с праздничных субботних шествий в честь основания новой столицы. По завершении торжественной части все, включая самого фараона, закладывали первые кирпичи в фундамент будущего дворца. В последние годы подобные мероприятия проводились все чаще, служа символом единства нации, сплоченной вокруг власти фараона и жрецов.

Вместе с египтянами в субботниках участвовали и потомки Израилевых колен. Трудились они добросовестно, с энтузиазмом, привнося свою долю в архитектурное великолепие грандиозных сооружений. Им было чем гордиться, и они по праву чувствовали себя частью великой цивилизации.

За время жизни в стране иврим все более сливались с египтянами. Многие из потомственных скотоводов становились землепашцами и торговцами овечьей шерстью. По мере укрепления связей между заселенной ими землей Гошен в нижнем течении Нила и главными египетскими царствами доходы их росли, благосостояние множилось и жизнь потомков Иакова становилась лучше и веселее.

Лишь одно омрачало этот праздник жизни – субботняя работа, издавна запрещенная их традицией; да на ритуальных шествиях нет-нет да и приходилось поклониться египетским божествам. В сущности – пустяк, и многие предпочитали закрывать на это глаза. Участие воспринималось чисто символически, и евреи легко шли на эти уступки. Древние духовные устои приносились в жертву солидарности с благосклонно настроенной властью.

Но так было только поначалу. Со временем работы прибавилось, а отказаться было уже невозможно. Тогда строителей еще щедро одаривали серебряными монетами и золотыми украшениями; затем вознаграждение стало выдаваться одеждой, а в последние годы – все чаще мешками с грубыми овсяными лепешками или второсортным зерном. Люди сначала принимали все это с благодарностью, а потом у них просто не осталось выбора. Труд во имя фараона и на благо жрецов вошел у них в привычку, привычка переросла в обязанность, обязанность – в трудовую повинность. Рабство вошло в дома евреев через открытую дверь.

К тому же участились случаи исчезновения людей, пользовавшихся в среде иврим авторитетом, и, как считалось, потенциально опасных для фараона. Некоторых травили специально приготовленным ядом, к чему власти страны отрицали свою причастность. Иногда пропадали целые семьи, а их дома передавались в распоряжение египтян. Ходили слухи, что многих увозят на север, в дельту Нила, где в тюремных ямах медленно умирают приговоренные. Но мало кто решался говорить об этом вслух, а если где и говорили, то только шепотом и с оглядкой, ибо и среди рабов случалось доносительство.

Лишь одной ветви из древа Израиля удалось избежать печальной участи и не примерить на себя ярма угнетения. Где напрямую, а где хитростью левиты уклонялись от участия в праздничных мероприятиях Мицраима. Поговаривают, что особое их положение стало возможным

благодаря долголетию Леви, третьего сына патриарха Иакова, который последним из основателей колен покинул бренный мир. Пока он был жив, потомки его имели силу отказаться от дружественно протянутой руки всеегипетской солидарности, предпочитая гордое неповиновение безропотной покорности. Но и после его ухода левиты видели себя единственным оплотом наследия Израиля, храня верность духовной традиции и Невидимому Богу.

Власть так и не сумела нанести строптивому колену никакого вреда. Более того, узнав, что левиты у иврим играют ту же роль, что жрецы для Египта, фараон оставил их в покое, полагая, что присутствие привилегированной касты в среде рабов облегчит подчинение большинства.

Некоторые из мудрецов, однако, полагали, что здесь не обошлось без вмешательства Всевышнего, защитившего своих наиболее ревнивых адептов за исполнение заповеди обрезания крайней плоти – знака союза с Творцом, которую левиты продолжали соблюдать даже в самых неблагоприятных условиях.

Из детства

Мысленно путешествуя по лабиринтам истории, Корах пытался разглядеть проторенные праотцами пути. Согласно высшему замыслу, ими должен был двигаться еще не родившийся, не сформировавшийся народ. Перед Корахом раскрывалась связь поколений, передававших знания о Боге от отца к сыну и от учителя к ученику. Порой во время таких размышлений он впадал в состояние отрешенности, словно сам перенимал духовную эстафету, которую только и можно раскопать в недрах многолетнего опыта человеческого бытия.

«Детство – восход судьбы в просыпающейся жизни», – эти слова, непонятно, когда и кем сказанные, нередко всплывали в его сознании. Кораху вспоминался день, когда отец взял его с братьями на праздник осеннего урожая. Он был младшим в семье, ему едва исполнилось шесть лет, и он впервые видел такое количество людей. Веселая шумная толпа запрудила пологий берег Нила, расположившись вокруг пестрых шатров. В памяти остались свежие лепешки и сочные фрукты, которыми взрослые обильно угощали всех пришедших на праздник. К восторгу детей, им позволили играть в специально построенных шалашах.[24]

В самый разгар веселья зашел отец, взял его за руку и повел к реке. Народ хлынул к пристани, куда причаливала лодка с резной деревянной фигурой на носу. Братья сказали ему, что это изображение бога Атона, а в лодке приплыл знаменитый египетский вельможа, который будто бы приходится дядей отцу их отца. Шестилетний Корах ничего не понял в запутанных родственных связях и тут же о них забыл. Зато корабль прочно зацепился швартовами за детское воображение. Статуя Атона на задранном кверху носу ладьи, украшенная позолоченной скульптурой королевской кобры, желто-черный парус, напоминающий недостроенные пирамиды в долине Нила, две дюжины черных мускулистых гребцов с лоснящейся от пота кожей, и наконец, тот, кого все ждали. Корах запомнил общего любимца: он походил на старого сфинкса в своем синем с желтыми змеями парике. Толпа у причала расступилась и приветствовала его.

Отец объяснил, что этого почтенного старца еще юношей привезли в Египет как раба, и что чуть ли не собственные братья продали его за двадцать сребреников каким-то ишмаэлитским купцам. Он попал в дом одного высокопоставленного царедворца, личного друга фараона, и благодаря своим замечательным способностям в ведении дел и в торговле, вскоре был назначен в этом доме главным управляющим. Что произошло потом, Корах не запомнил; но в памяти отложилось, что сам фараон поставил юношу хозяином над всем Египтом, когда стране угрожала многолетняя засуха, а тот спас страну от неминуемого голода. Заодно позаботился он и о своем любимом отце Иакове и об одиннадцати братьях с их семьями, пригласив их спуститься из родной земли Ханаан сюда в Мицраим.[25] Корах понять всей этой истории никак не мог, поэтому не слишком о ней задумывался. Он видел, как люди кланяются и ликуют, восхваляя этого красивого человека, и ему это нравилось.

В его воспоминаниях это время было золотым для народа. Пока здравствовал увенчанный синим париком старец, богатство и изобилие царили в Гошене, как называли эту египетскую провинцию во времена его детства.

Когда Кораху исполнилось восемь лет, отец привел его в школу для подготовки писцов, заметив у мальчика склонность к счету и рисованию. Учитель поговорил с ним, попросил подсчитать количество овец, пасшихся в загоне, и принял в ученики. За время обучения

---

[24] Специально построенные к празднику шалаши – аллюзия на праздник Суккот, когда евреи строят шалаши (Сукки), в которых живут семь дней. Также известен как праздник Кущей.

[25] Имеется в виду знаменитая история продажи братьями Йосефа (Иосифа) в Египет, описанная в книге Бытия. За толкование пророческих снов фараон поставил его хозяином над Египтом. Искусное управление страной позволило египтянам, а также внешним народам, пережить семь неурожайных лет. Впоследствии по приглашению фараона весь дом Иакова – отца Йосефа – переселился в Египет.

Корах овладел родной письменностью в такой степени, что мог выводить знаки совершенно одинакового размера, оставляя расстояния между ними в треть буквы. В школе имелся трафарет с ровными рядами и колонками вырезанных квадратов. При совмещении с текстом буквы должны были ложиться в точности под отверстия трафарета. У одних на достижение каллиграфического письма уходили месяцы, у других годы. Вскоре Корах, быстро освоивший технику начертания букв, а также проявивший недюжинные способности в быстром счете, обратил на себя внимание учителя, и тот начал заниматься с мальчиком индивидуально. Необходимо было постичь иероглифическую письменность, с помощью которой египетские чиновники и жрецы обменивались сообщениями и производили вычисления. В зависимости от контекста эти странные рисунки могли означать то отдельные слоги, то предметы или действия, а иногда даже числа и комбинации с ними. Воспитанники школы, овладевшие наукой письма, нередко попадали на службу в государственные ведомства, где были неизменно востребованы.

Кораху запал в душу разговор с учителем. Ему тогда исполнилось шестнадцать лет и он завершал свое обучение в школе. После занятий учитель задержал его. Несколько минут прошли в молчании, пока наставник подбирал подходящие слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.